

Интертекстуальность как метод анализа языка (на примере текстов американских проповедей)

Михаил Борисович Зуев

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, г. Сочи, ул. Советская 26 а
Кандидат филологических наук
E-mail: arzum@mail.ru

Аннотация. Современная лингвистическая наука демонстрирует методическое разнообразие в работе с текстами. Филологи делают акценты на литературный дар автора, текстуальное содержание, но до сих пор крайне актуальным является интерпретация текста автором в своих целях. Статья посвящена современному анализу метода интертекстуальности социокультурной среды.

Ключевые слова: интертекстуальность; библейский текст; проповедь; теория текста.

Введение. Лингвистическая наука ставит в последние десятилетия XXI века перед исследователями новые ориентиры в освоении дискурса текста. Межкультурные трансформации в условиях интеграционных процессов, развитие массмедийного пространства, переход лингвистики в виртуальность, увлеченность филологической единицы своим бытоописанием (ведением ежедневных электронных социальных страниц – «выкладывание» своих личных новостных ситуационных компонентов на общественное обсуждение – синдром одиночества современного человека становится самым актуальным в развитии межязыкового общения неведомого для предыдущих исследователей). Интертекстуальность в этих условиях получает совершенно новую бытовую реальность и актуальность для изучения изменения сущности языка.

Материалы и методы. Основанием для научного исследования послужило использование классических библейских текстов различного проповедческого содержания. Проповедь – это традиционный метод интертекстуальной работы с филологической единицей, имеющей эмоционально-психологическое воздействие через слово, как инструмент лингвистического и духовного воздействия. В этом аспекте используются как общепрофессиональные, так и специальные лингвистические методы и подходы к анализу библейского проповедческого материала. Акцентом выступает метод интертекстуальности.

Обсуждение. Теория интертекстуальности стала объектом научного пристального рассмотрения в XX веке в лингвистике. Одним из первых на этот аспект обратил внимание отечественный филолог М.А. Можейко, который определил интертекстуальность как «артикулирующий феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего» [1]. По оценке Р. Барта, «основу текста составляет... его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки», и, собственно, текст – как в процессе письма, так и в процессе чтения – «есть воплощение множества других текстов, бесконечных или, точнее, утраченных (утративших следы собственного происхождения) кодов» [2]. Обрывки старых культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [3]. Смысл возникает именно и только как результат связывания между собой этих семантических векторов, выводящих в широкий культурный контекст, выступающий по отношению к любому тексту как внешняя семиотическая среда. Важно подчеркнуть, что в данном случае имеется в виду не явление соединения в общем контексте сколов предшествующих текстов, что имело место в античной культуре («лоскутная поэзия», или центон, позднего Рима), т.к. при этом текст строился в виде мозаики из рядоположенных цитат с достигаемым системным эффектом, каждая из цитат представлена своей непосредственной денотативной семантикой; коннотативные оттенки значения, связанные с автохтонным для цитаты контекстом, как правило, уходят в тень [4].

Как известно, данный термин был введен Ю. Кристевой в 1967 г. на основе анализа концепции «полифонического романа» М.М. Бахтина. К трудам М.М. Бахтина восходит широкое определение интертекстуальности. «Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы. Всякое понимание есть соотношение данного текста с другими текстами. Текст живет, только соприкасаясь с другими текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [5]. М.М. Бахтин образно трактует каждый текст как диалог. Говорящий, с его точки зрения, одновременно является и отвечающим: «ведь не он первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание вселенной, и он предполагает не только наличие системы того языка, которым он пользуется, но и наличие каких-то предшествующих высказываний, своих и чужих, – с которыми его данное высказывание вступает в те или иные отношения. Высказывание с самого начала строится с учетом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается» [6].

Ю. Кристева, продолжившая концепцию диалогизма М.М. Бахтина, по-новому понимает отношения текстов в культурном универсуме. Заменяет термин «диалогичность» термином «интертекстуальность», ученый создает концепцию, согласно которой интертекстуальность является универсальным свойством всех текстов. «Любой текст как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности» [7].

Интертекстуальность, по мнению Ю. Кристевой, предстает как теория текста, интертекстуального в каждом его фрагменте. Существует некий «универсум текстов», в котором безличные тексты бесконечно ссылаются друг на друга. «Мы назовем интертекстуальностью эту текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [8].

Таким образом, в постмодернистской системе отсчета взаимодействие текста со знаковым фоном выступает в качестве фундаментального условия смыслообразования: согласно Ю. Кристевой, «всякое слово (текст) есть... пересечение других слов (текстов)», «диалог различных видов письма – письма самого писателя, письма получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [9].

Представителем широкого понимания интертекстуальности является и французский семиолог Р. Барт. С его точки зрения, «всякий текст есть междутекст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски «источников» и «влияний» соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат, – из цитат без кавычек» [10].

Исследуемый текстовый массив – переводной американский дискурс успеха метафизического типа Дж. Мэрфи, в качестве источника эксплицитной интертекстуальности и пускового механизма универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову» – инвенции, диспозиции, элокуции – имеет Библию. Библейские реминисценции, будучи выделены курсивом при дословном цитировании со ссылками, а также включенные в авторскую речь в перефразированном виде, пронизывают текстовую ткань и вводятся различными способами. Приведем примеры из текста «Вечные жизненные истины» [11]:

– Библейская цитата в иницирующей диспозитивной функции подраздела главы с дальнейшей интерпретацией, подкрепляемой конкретными примерами:

• Что принадлежит Отцу Моему

Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? (Евангелие от Луки, 2:49). Что принадлежит Отцу вашему – это дар жизни и добра. Вы здесь для того, чтобы высвободить и выразить качества и способности Бога.

– Экспликация толкования-интерпретанты с помощью глаголов означать, значить, конструкций «следует понимать, как» и подобных:

• **Благословен грядущий во имя Господне** означает просто природу Закона. А Закон состоит в том, что-то, над чем вы размышляете и что внушаете своему подсознанию, то и выражается в реальной жизни.

– Приведение в постпозитивных скобках прагматической интерпретации библеизма:

• Возьмите заветное желание своего сердца, ощутите его реальность, взлелейте его и поддерживайте с верой и убежденностью – и вы **приведете осленка (настроение, чувство) к Иисусу**, или Я ЕСМЬ.

Приведем также несколько примеров библейских реминисценций разных типов из наиболее прагматичного, конкретно инструктирующего текста Дж. Мэрфи «Как привлекать деньги».

– Цитирование «от противного», констатация неправильного понимания обывателями Священного Писания, полемика:

• Многие позволяют жажде денег и наживы полностью овладеть собой. «Я хочу стать сказочно богатым, и ради этого сделаю все, что угодно», – говорят они, забывая, что **«не хлебом одним будет жить человек» (Матфея 4:4)**. Огромное состояние не принесет счастья и радости, если в жизни нет душевного спокойствия и гармонии.

– Транслирование позиции Бога «своими словами» в модусе полной уверенности продуцента проповеднического дискурса в истинности своей авторской интерпретации, активно внедряемой в сознание реципиента:

• Запомните, Господь не хочет, чтобы мы жили в жалкой лачуге и голодали. Наоборот Он желает видеть вас счастливыми, успешными и богатыми, потому что самому Всевышнему сопутствует успех во всех Его начинаниях!

– Продуцирование авторского дискурса на базе отдельных библейских номинаций («Бог», «Господь», «Всевышний»), клише («сотворил Господь», «обратиться к Господу», «посланы Господом», «Божья благодать»), определений («Божественный»):

• Здоровье – это сама Божественная Реальность, Богатство исходит от **Господа**, оно вечно и бесконечно. Успех также от **Всевышнего**, так как Он успешен во всех своих начинаниях.

• Деньги – это символ **Божественного** изобилия, гармонии и красоты.

• Богатство – это состояние сознания, уверенность, что **Божья благодать** никогда не прекратится.

Американская проповедническая мысль на российском постсоветском пространстве сначала получила распространение в условиях ослабления традиционной православной религиозной проповеднической парадигмы, но как только окрепло национальное самосознание российского народа, то лингвистические приемы не смогли реализовать потенциал американского проповеднического дискурса. Наука ставит новый аспект в изучении как менталитет народа влияет на усвоении библейского интертекста.

Заключение. Анализируя приведенные примеры различных библейских приемов использованных современными проповедниками мы можем подвести определенные выводы. Методологической основой анализа текстов американского метафизического дискурса успеха правомерно определить теорию интертекстуальности, пропущенную сквозь призму интегративного лингвориторического подхода. Религиозные авторы продолжают эксплуатировать наработанные лингвистические приемы в культуре проповеди, нести слово в сознание человека через призму обогащения как символа американской культуры.

Примечания:

1. Можейко М.А. Интертекстуальность // Новейший философский словарь. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 1280.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 616.
3. Там же. С. 618.
4. Новейший философский словарь, 2001. С. 429–430.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 421.
6. Там же. С. 247.
7. Крестева Ю. Слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4. С. 6.
8. Там же. С. 8.
9. Новейший философский словарь, 2001. С. 432.
10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 616.
11. Мэрфи Дж. Вечные жизненные истины / пер. с англ. Л.А. Бабук. Мн.: «Попурри», 2006. 240 с.

UDC 811. 11-112

**Intertextuality as a Method for Analysing Language
(Utilising American Sermons as Examples)**

Mikhail B. Zuev

Sochi State University, Russian Federation
354000, Sovetskaya St., 26a
PhD
E-mail: arzumi@mail.ru

Abstract. Modern linguistic research demonstrates methodological variances when working with texts. Scholars emphasize the literary gift of the author as well as the textual contents, yet up to the present, the author's interpretation of the text for his own purposes was especially relevant. The article is devoted to a modern analysis of the method of intertextuality within a socio-cultural environment.

Keywords: intertextuality, biblical text, sermons, text theory.